Н.Н. Кулакова

УРБАНИЗАЦИЯ И ИММИГРАНТЫ ЕВРОПЕЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В США: К ПРОБЛЕМЕ ЭВОЛЮЦИИ ЭТНИЧНОСТИ

Соединенные Штаты Америки — одна из самых «многонациональных», если говорить о числе «национальностей», представленных в этнических самоидентификациях граждан, стран мира и, вероятно, самая урбанизованная. Но не о наличии в городах США «этнически отмеченных» групп и индивидов пойдет речь. Предметом рассмотрения станет скорее та связь, которая, подчиняясь культуре страны и логике ее урбанистического развития, сложилась между этнической принадлежностью иммигрантов, их социальной мобильностью и их положением в пространственной структуре американского города, а также — в рамках темы — эволюция содержания и роли понятия этничности в американском обществе. Основным объектом внимания стали англичане, немцы, евреи, поляки и прочие европейские национальности — а не выходцы из Азии и других континентов, ныне составляющие значительную долю населения страны. Именно из бывших европейцев по большей части образованы в США экономически и политически доминирующие классы, чьи характерные образцы мировоззрения и поведения распространяются в качестве соответствующих ориентиров во всем обществе.

США — так называемая переселенческая страна. Коренные обитатели ее территории получили (спустя четыре века после открытия континента) гражданство в государстве, которое было создано переселенцами из других стран, постоянно прибывавшими в Америку с момента основания там европейцами своих колоний в конце XV в. История — как других континентов, так и самой Америки — регулировала поток иммигрантов, в котором выделялись периоды массового въез-

да, «старая» и «новая» иммиграция, «течения», шедшие в разное время из разных стран мира.

Идеалы свободы, равенства и демократии, отразившиеся в конституции и политическом устройстве США, а также общая историческая судьба переселенцев и их потомков и значительное единство образа жизни долгое время заставляли граждан верить в идею «плавильного котла» и по крайней мере ожидать, что если не те, кто только что приехал из Европы, то их дети и внуки перестанут чувствовать себя «старыми» или «новыми» иммигрантами, «англичанами», «немцами», «итальянцами», «поляками» и т.д., а будут только «американцами». В конце XVIII и в XIX в. об этом писали знавшие Америку французы А. Кревкер и А. де Токвиль; в 1908 г. появилась пьеса И. Зангвиля под названием «Плавильный котел», в которой как бы декларировалось достижение идеала этнической гомогенности нации (речь там шла опять-таки о выходцах из Европы). И хотя еще во времена Кревкера звучали мысли о возможности создания в Америке федерации отдельных национальных государств (*Celadon* 1785. P.11-12), а в первое десятилетие XX в. в противовес теории плавильного котла была выдвинута концепция культурного плюрализма, подчеркивавшая устойчивость культурного своеобразия каждой иммигрантской группы (*Kallen* 1915), подобные идеи не взяли верх над представлениями о едином американском национальном «сплаве».

В кризисные для всего мира 1960-е годы подъем национально-освободительной борьбы и движений за гражданские права в разных странах, в том числе черных в Америке, побудили и американских «этников» (так называли в 60-70-х гг. потомков иммигрантов из Европы) проанализировать свое положение в американском обществе и свое самосознание. Среди многих книг тогда вышли работы Н. Глейзера и Д. Мойнихена «За плавильным котлом» (*Glazer and Moynihan* 1963) и М.Новака «Неплавящиеся этники поднимаются: новая политическая сила 70-х» (*Novak* 1971), в которых известные и влиятельные авторы (Д. Мойнихен долгое время был даже сенатором) весьма выразительно говорили о живучести — и

о поддержании — у американцев на протяжении многих поколений чувства принадлежности к народу, из чьей среды вышли их предки. В Америке и в конце XX в. имеет смысл заявление человека о своем происхождении «из старой шотландской иммиграции», а история «вышедшей замуж за француза дочери шотландца-протестанта из Северной Ирландии и католички с юга Ирландии, которая называет себя ирландской католичкой и дети которой считают себя французами» — одна из самых «американских» вещей, какие только можно себе представить», как говорит, имея в виду собственную жену, живущий в США антрополог из Франции Эрве Варенн (*Varenne* 1986. P. 94).

В общих чертах историю интеграции европейцев в американском обществе повторяют сегодня афроамериканцы и многочисленные иммигранты последних 30 лет — выходцы из стран Азии, Африки, Карибского бассейна и Латинской Америки, хотя в судьбе небелых «этнических меньшинств», как сейчас называют группы этих людей, любая из таких черт выглядит гораздо резче.

«Этническое измерение» граждан США (по стране рождения человека, по стране рождения родителей или матери, по родному языку) фиксировалось в материалах официальных переписей, начиная с первой —в 1790 г. Этническая принадлежность (или же происхождение из конкретной страны) до последних десятилетий была чуть ли не сильнейшим «знаком», определявшим (а для некоторых групп действенным и до сих пор) место человека в социальной и культурной иерархии американского общества, нередко превосходя по мощности профессию, уровень доходов, религию, политическое «лицо» — все то, что в Америке считается показателями классовой принадлежности индивида. Это означает, что в США, где большая часть граждан состоит из потомков иммигрантов из разных стран, притом иммигрантов последних 150-170 лет, идея этничности (*Тишков* 1997) как одной из сторон социальной идентичности человека играет заметную роль в социальной, политической и культурной жизни, а также в

формировании индивидуальных самосознаний американцев.

100-150 лет массовой иммиграции — это и период становления экономического базиса современных Соединенных Штатов: выдвижение крупной промышленности в качестве основы общественной жизни и, позднее, развитие научно-технической революции. Одной из сторон этого всеобъемлющего процесса стала урбанизация, т.е., по принятому определению, рост городского населения страны и числа ее городов.

В урбанизации сконцентрированы макросоциальные процессы, город — сам «агент» этих процессов, в некотором смысле зримый образ общества, поле действия материальных и духовных социальных сил, среди которых свою роль играет и этничность. Современные города — это вместилища промышленных предприятий, научных и образовательных учреждений, органов власти, средств массовой информации, учреждений культуры и искусства, сферы обслуживания. В городах возникают и находят применение сотни профессий, создаются тысячи всевозможных объединений людей, происходит масса разнообразных событий. Именно в городах особенно интенсивно проходила и проходит интеграция иммигрантов в общество — один из важнейших процессов, посредством которых развивается американская нация.

Городское пространство, как и само общество, поделено на части и иерархиизировано: есть шкала престижности жилищ и районов проживания, соотносящаяся с положением обитателей на социальной лестнице. Благодаря универсальности стремления членов любого сообщества к повышению своего статуса, именно вертикальную социальную мобильность можно выделить в качестве индикатора степени интегрированности в обществе тех или иных индивидуумов или групп (в частности, иммигрантских или этнических), и судить об успехе этой мобильности можно по одному из самых ярких, типично городских показателей — переезду человека на жительство из менее престижного в более престижный район и пригород.

* * *

Историю иммигрантов в городах США можно поделить на два периода, формально разделяемых отменой в 1965 г. в иммиграционном законодательстве страновых квот и заменой их на другие критерии предпочтения при приеме иммигрантов (родственные отношения с гражданами США и профессиональная подготовка). Можно сказать, что для лиц европейского происхождения (но не для остальных иммигрантов) эта отмена увенчала длительный процесс смены роли этничности (а скорее этнического «ярлыка») с дискриминирующей на в основном символическую. Сейчас для социального преуспеяния в Америке не надо, как было прежде, изо всех сил стараться замаскировать, забыть «свое этническое прошлое», о чем с такой страстью и горечью писал М. Новак в упомянутой книге «Неплавящиеся этники». Потомки «новых европейских иммигрантов во втором, третьем, четвертом поколениях уже не испытывают социальной дискриминации со стороны потомков «старожилов». Во всех профессиях, во всех университетах, во всех городских районах и пригородах находятся люди, в ответ на соответствующий вопрос открыто и даже не без гордости называющие себя «итальянцами», «греками», «ирландцами» и т.д., потому что с этими этнонимами уже не ассоциируются бедность, низкое положение на социальной лестнице и пренебрежительное отношение общества (усвоенное иммигрантами и в отношении самих себя). Этнические фестивали, театрализованные парады, рестораны, специализирующиеся на кухне разных, причем не только европейских и не только крупных, но и малочисленных народов, — это неотъемлемые черты культурной жизни многих американских городов, больших и малых: этничность сегодня «празднуется». Однако к такому положению США шли на протяжении всей своей предшествующей истории.

* * *

Как известно, те 13 штатов, которые во второй половине XVIII в. стали «Соединенными Штатами Америки», в то время были заселены в подавляющем большинстве (77%) англоязычными выходцами с Британских островов: англичанами, шотландцами и ирландцами (*Берзина* 1973. С.28). Эти самые старые иммигранты вместе с небольшой долей представителей Германии, Нидерландов, Франции и других европейских стран и их потомки стали в новом государстве ядром нации, уже к концу XVIII в. породившей самобытную литературу, философию, художественную культуру, фольклор, своеобразия которым в немалой степени добавил и негритянский элемент. С 20-х гг. XIX в. более ста лет Америка принимала постоянно нараставшие потоки переселенцев, в основном из Европы. За десятилетие, последовавшее за европейскими революциями 1848-49 гг., число иммигрантов в США увеличилось на треть. В 1850 г. доля людей, родившихся за пределами страны, составляла 11%, а в 1860 г. — уже 15% (*Берзина* 1973. С. 31). Самой многочисленной иммигрантской группой до гражданской войны в США 1861-1865 гг. были ирландцы: их доля среди иммигрантов составляла 39%, затем шли немцы — 31% (*Богина*, 1976. С.62). Усилился приток иммигрантов и из Франции, Нидерландов, Скандинавских стран; появились переселенцы из стран, откуда прежде почти не приезжали (например, из Италии); начался въезд иммигрантов из Китая.

В 1846-48 гг. США отвоевали у Мексики огромные территории, жители которых также пополнили население страны. Негритянское население, начиная с года запрета ввоза рабов (1808 г.), увеличивалось за счет естественного прироста.

Во время гражданской войны и сразу после нее первыми в числе стран эмиграции оставались Германия, Ирландия, Англия. До 1883 г. 85% всех иммигрантов прибывало из Северной и Западной Европы. Но затем оттуда стали выезжать все меньше, одновременно в Америку двинулись люди из стран Восточной, Центральной и Южной Европы, из которых до тех пор эмиграция была незначительной, — главным образом, из Италии, Австро-Венгерской и Российской империй (1883 по 1907 гг., например, — более 80% всех приехавших

(*Schachter* 1972). Этих иммигрантов стали называть «новыми», в отличие от западноевропейцев предшествующего периода — «старых» иммигрантов. С 1880 по 1920 гг. соотношение между выходцами из Западной Европы и иммигрантами из остальных европейских стран изменилось разительно. Благодаря притоку последних, доля западноевропейцев снизилась с 85 до 52,5%, а «новые», численностью 12,4 млн. чел., стали составлять до 34% всех лиц недавнего иностранного происхождения и 13% всего белого населения страны (Берзина 1973. С.39). Из России и Австро-Венгрии приехали представители множества национальностей: евреи, поляки, литовцы, финны, словаки, венгры, хорваты, словенцы, украинцы, чехи, румыны. Прибывали также сирийцы, греки, болгары, сербы, черногорцы, армяне.

Говоря об иммигрантах, следует учитывать не только лиц, родившихся за пределами страны, но и их потомков, появившихся на свет уже в США: их число неуклонно повышалось, потому что накапливалось само иммигрантское население, увеличивалась длительность пребывания в стране, росло число брачных пар и рождающихся у них детей. К 1920 г. доля иммигрантов второго поколения достигла почти четверти численности всего белого населения США; вместе со своими родителями лица недавнего иностранного происхождения, которым еще предстояло полностью интегрироваться в американское общество, составляли более трети всех белых (*Берзина* 1973 С.38).

В 1920-е гг. США установили иммиграционный режим, ограничивший въезд в страну, особенно резко — для жителей стран Восточной и Южной Европы. Это несколько активизировало иммиграцию в США из стран Америки — Канады, Мексики, позже — из Карибского бассейна, Пуэрто-Рико, а также из Азии и даже Африки, но количественно она была несоизмерима с прежним притоком населения извне. Из нового иммиграционного закона, принятого, как уже упоминалось, в 1965 г., исчезли прежние дискриминационные начала. Поток иммигрантов из Северной и Западной Европы, раньше получавших преимущественное право на въезд, сильно со-

кратился, но он вновь возрос из стран Южной Европы — Италии, Греции, Португалии. Значительно увеличилась иммиграция из Азии (причем в большинстве своем приезжие были высококвалифицированными специалистами и научными работниками). Иммиграция из стран Америки, пре-жде не ограничивавшаяся, стала регламентироваться. В 1970 г. в населении США было менее 5% иммигрантов (12 млн. чел., въехавших за 50 лет с 1920 г.), доля иммигрантов второго поколения тогда же составляла 12%. В 1975 г. первые три места по количеству иммигрантов заняли Мексика, Филиппины и Южная Корея (почти треть общего числа). Европейцы в 1970-1975 гг. составили только пятую часть всех въехавших (*Брук* 1979. С.19). В 1980 г. в составе населения США рожденных за пределами страны насчитывалось 14,1 млн. чел., или 6,2%.

Мы видим, таким образом, что иммиграция для США всегда играла важную роль в пополнении населения; она же в немалой степени определяла ход социальной истории и эволюцию идеологии и культуры страны.

Переселенцы периода массовой иммиграции находили в США уже сложившиеся экономическую и социальную структуру, культурное единство, язык, менталитет, систему ценностей — все то, во что иностранцам предстояло так или иначе вжиться. Социальная и культурная неоднородность приезжих обусловливала разные темпы и особенности их интеграции, что, среди прочих факторов, неизбежно создавало почву для сохранения этнической идентификации и самоидентификации иммигрантов (которая, надо сказать, нередко сливалась с идентификацией национальной, то есть, обозначала страну выхода). Однако все иммигранты (группами или по отдельности) с самого начала становились элементами американской нации, и их история была историей самой этой нации. Важным условием именно такого развития нации стал отказ государства от создания территориальных подразделений, где выходцы из разных стран создавали бы «Новые Германии» или «Новые Венгрии». Исторически сложившиеся крупные компактные этнические поселения (например, пенсильван-

ских немцев еще в колониальный период или же немцев в небольших городах на Востоке и Среднем Западе в середине XIX в.) были все же исключением и обособлялись лишь в ряде культурных аспектов. По-настоящему в другой системе жили только индейские народы на выделенных для них резервационных территориях; у индейцев своя история взаимоотношений с американским обществом. Еще одной важнейшей особенностью национального развития США было сосредоточение иммигрантов именно в городах, которые стали ареной интенсивной социальной жизни, характеризовавшейся, помимо прочего, и этническими процессами.

Получая в Америке работу, иммигранты включались в экономическую систему страны, то есть, проходили так называемую структурную ассимиляцию, которая всегда составляет основу всех других сторон ассимиляции — языковой, бытовой и т.д. В данном случае в структурной ассимиляции на первый план выступает тот факт, что большинство иммигрантов (которые были востребованы бурно развивавшимися США как рабочая сила, обеспечившая промышленный переворот и впоследствии — ведущее положение страны в мире), к какому бы социальному слою они ни принадлежали дома — крестьянам, ремесленникам, мелким буржуа, — превращалось в Америке в индустриальных наемных рабочих, селившихся в городах и начинавших трудовую и социальную жизнь здесь с низших ступеней. Так было и со «старыми», и с «новыми» иммигрантами, хотя «старые» в XIX в. несравненно легче включались в американскую жизнь, чем их последователи: в то время США и страны Северной и Западной Европы находились примерно на одном уровне общественно-экономического развития, к началу же XX в. Америка уже обогнала не только отсталые страны Южной и Восточной Европы — страны «новой» иммиграции, но и некоторые из тех стран, откуда пришла иммиграция «старая».

Помимо различий в уровне исторического развития стран выхода и США, еще одним фактором, во многом определявшим для приезжих ход интеграции в общество и перспективы социальной мобильности, было отношение к ним тех, кто

прожил в Америке дольше, или уже приобрел прочное положение, или с самого начала имел высокий статус. Вот тут уже явственно проступают некоторые критерии, лежащие в основе социальной и культурной иерархии различных групп и отдельных иммигрантов: это, во-первых, классовая принадлежность, а во-вторых — положение «чужаков» вообще и в частности — распространенное в обществе представление о «дистанции» (в смысле предполагаемой разницы в способности успешно существовать в американском обществе) между какой-либо иммигрантской национальностью и доминирующей группой «белых англо-саксонских протестантов». Известный американский антрополог Л. Уорнер в 1930-х гг. даже выработал гипотетическое «распи-сание ассимиляции», примерно предсказывающее скорость стирания различий между иммигрантскими группами и «старожилами» в зависимости от положения в «суборди-на-ции» этих групп, которое, в свою очередь, зависит от их расы, языка и религии. Согласно гипотезе Уорнера, труднее всего ассимилироваться монголоидам и негроидам из-за очень больших визуальных отличий от белого большинства населения, которые «перевешивают» весь остальной набор значимых для процесса интеграции характеристик; из-за этого они практически изолированы в «цветные касты» в американском обществе. Ближе всего к «старым американцам», а значит быстрее всего ассимилируются те группы, которые исповедуют протестантизм и говорят по-английски, то есть, например, ирландцы из Шотландии, затем идут неанглоговорящие протестанты, затем англоговорящие католики, потом неанглоговорящие католики и другие непротестанты (например, франко-канадцы), наконец, нехристиане (*Warner and Srole* 1945. P. 286, 287). Как любая схема, эта теория не объясняла всей сложности взаимоотношений иммигрантов с принимающим обществом, но она свидетельствовала о бытовании такого восприятия этничности, которое определяло активную роль последней в качестве «социального классификатора», ее место среди структурообразующих начал в обществе и значение конкретной этнической принадлежности в отдельном,

микромасштабном существовании того или иного индивидуума. Символическое отображение иерархии национальностей Л. Уорнер подметил, сопоставив два ритуальных события, два празднования — Дня поминовения и трехсотлетней годовщины основания Колонии Массачусетского залива — в «Янки Сити», небольшом городке Ньюберипорт в Новой Англии. В одном из пяти томов посвященного ему антропологического исследования как раз делается сопоставление статуса «янки», то есть, «настоящих» американцев, со статусом «этников» (Warner and Srole 1945). Если в праздновании Дня поминовения центральным моментом было поклонение могиле Неизвестного солдата, суть образа которого — полное равенство жертв войн, к какому бы государству или социальному слою они не принадлежали, отсутствие даже намека на действие в отношении Неизвестного солдата понятий статуса, субординации и т.п., — то в тематике парада, посвященного трехсотлетию основания Колонии Массачусетского залива, напротив, на первом плане оказались именно предки-пуритане и культура Новой Англии. Как заметили исследователи, в оргкомитет праздника входили только представители «янки», они и решали, кого или что будут представлять участники парада. Так, оформлять платформу, посвященную Колумбу как первооткрывателю Америки, было поручено итальянцам — но лишь на основании общего этнического и географического происхождения местных итальянцев и исторической личности. Экспозиция платформы не указывала на связь данных конкретных итальянцев с американской землей, в то время как устроители платформы «Сыновей и дочерей первопоселенцев» представлялись на ней как прямые потомки основателей колонии. Нюансов, подобных этому, было немало, и получилось (возможно, непреднамеренно), что, несмотря на участие в параде многих представленных в городе этнических групп, во всем действии отсутствовала тема иммиграции и интеграции этнического населения, не было символов Америки как Земли Обетованной для людей всех рас и вероисповеданий и т.п., но подчеркивалось первенство и главенство потомков пуритан, имевших, очевидно, по мнению

организаторов празднования, больше прав считаться «американцами» и «ассимилировать» всех остальных.

Действие базисных, экономических факторов для каждой группы модифицировалось ее конкретной этничностью, которая регулировала доступ иммигрантов к высококачественному образованию, к работе и жилью. Англичане-иммигранты, среди которых было немало квалифицированных рабочих, мастеров, инженеров и техников, фермеров и которым, следовательно, было легче подниматься по социальной лестнице, всегда выглядели респектабельно в глазах буржуазного американского общества, общие же культурные корни и язык добавляли англичанам уважения и терпимости со стороны этого общества. В меньшей мере это относилось к немцам и к выходцам из Скандинавских стран, поставлявшим, тем не менее, относительно больше фермеров, квалифицированных специалистов, работников умственного труда, чем, например, Ирландия, Италия и др. Ирландцы в середине XIX в. были самой низшей в общественном мнении и самой гонимой иммигрантской группой (искавших работу, например, часто встречала табличка «Ирландцев просят не беспокоиться»). В начале XX в. неуважение и даже неприязнь перешли на восточно- и южноевропейские национальности, что находило идеологическое оправдание в распространившихся в то время расистских теориях превосходства англосаксонских и тевтонских народов и тесно с этими теориями переплеталось. Майкл Новак в «Неплавящихся этниках» рассказывает даже, что некий Джено Барони запустил в обращение весьма красноречивый акроним (т.е. слово, составленное из начальных букв других слов) «PIGS»-«свиньи», состоящий из первых букв слов «поляк», «итальянец», «грек», «славянин» (*Novak* 1971. P.XXII) и обозначавший совокупность иммигрантов этих национальностей.

* * *

Период особенно активной урбанизации США приходится на XIX — начало XX столетия, когда численность жителей

городов росла почти в геометрической прогрессии. За 1800-1840 гг. число городских жителей удвоилось, за последующие два десятилетия оно удвоилось снова, составив 20% всего населения страны; затем с 1860 по 1900 гг. горожан вновь стало в два раза больше, а к 1920 г. их число превысило половину всего населения страны. В течение столетия массовой иммиграции (1820-1920 гг.), складывались основные современные экономико-географические регионы США — Северо-восточный, Южный, Северо-центральный и Западный — со своими крупными и мелкими городами. В XX в. Северо-восток прочно занял место наиболее промышленно развитого района, а его города стали самыми густонаселенными в США. Крупнейшие из них в северной части восточного побережья США всегда служили «воротами страны», через которые проходил поток прибывавших из Европы иммигрантов. Значительная часть их оставалась здесь же, какая-то часть уходила в американское сельское хозяйство, а прочие, двигаясь на запад вслед за старожильческим населением, осваивали города на остальной территории страны.

В 1940 г. для целей переписи населения было введено понятие «метрополитенской статистической области», МСО (Metropoliten Statistical Area; слово metropolis, лежащее в основе этого понятия, означает город, доминирующий на какой-либо территории как деловой, торговый и культурный центр) — области, состоящей из города с населением не менее 50 тыс. чел, и прилегающих или тяготеющих к нему населенных пунктов.

Если в 1790 г. в США было всего 24 «города», то есть, населенных пункта, число жителей которых, согласно официальному критерию, превышало 2,5 тыс.чел., и в общей сумме эти жители составляли 201 тыс. чел., или 5,1% всего населения страны, то в 1980 г. таких поселений было 7749. В 1990 г. более чем по 100 тыс. жителей имели 190 городов, из них 29 — свыше 500 тыс. жителей. В 1990 г. в США было 8 (центральных) городов с населением не менее 1 млн. чел.: Нью-Йорк, Лос-Анджелес, Чикаго, Хьюстон, Филадельфия, Детройт, Сан-Диего и Даллас. Если же считать МСО, то таких в

1990 г. насчитывалось 39, причем в крупнейших — Нью-Йорке и Лос-Анджелесе — было 18,1 и 14,5 млн. жителей соответственно. Эти большие города всегда были этнической мозаикой, в них сосредоточено наибольшее число людей с, условно говоря, «американо-этническим» самосознанием, то есть, самосознанием американцев такого-то (ирландского, итальянского, польского и т.д.) происхождения, отличным от самосознания WASPов, причем это не только евроамериканцы, но и афроамериканцы, и выходцы из Азии.

* * *

К концу XIX в. две трети, а, возможно, — и больше жителей городов индустриальных северо-восточных и центрально-западных штатов, — состояло из иммигрантов и их рожденных в Америке детей. В Чикаго немцы, например. в 1870 г. составляли более 1/6 всех жителей и более 1/3 всего его иммигрантского населения. Нью-Йорк был самым большим городом страны, и в нем к 1890 г., когда население его приближалось уже к миллиону, было столько же итальянцев, сколько в Неаполе, столько же немцев, сколько в Ганновере, в два раза больше ирландцев, чем в Дублине, в два с половиной раза больше евреев, чем в Варшаве (*Glaab* and *Brown* 1967. P.139). В первой четверти XX в. 3/4 иммигрантов в США были горожанами, они же составили 48% всего городского населения страны (*Ward* 1971. P. 52). В 1970-х гг. свыше 90% всех американцев, родившихся за пределами США, являлись городскими жителями (*Брук* 1978. С. 20). К 1990 г. среди жителей таких крупных городов, как Майами, Чикаго и Лос-Анджелес, преобладали иммигранты, въехавшие после 1965 г.

* * *

Как же город размещает, группирует и перераспределяет население (гетерогенное по многим показателям, в том числе по этническому) в своей «социально-пространственной» структуре? В доиндустриальный период эта структура приобрела вполне определенные черты: самые богатые граждане, а

это самые «старые» американцы, уроженцы страны в нескольких поколениях, — жили в престижных в то время центральных частях города, где находились и их рабочие места — административные и коммерческие организации, а беднейшие (среди них—иммигранты) — занимали окраины; ремесленники и торговцы средней руки размещались между теми и другими. С возникновением же и расширением промышленного производства в центральных районах городов условия жизни там ухудшались, и более богатых жителей стали привлекать периферийные, хотя и не слишком удаленные от центра, районы города. Освобожденные богачами жилища, разгороженные внутри, дополненные пристройками и подешевевшие, превратились в жилье для небогатых горожан. Когда в городах стали действовать недорогие средства пассажирского транспорта (в середине XIX в. — конка, а позже — трамвай), сделавшие возможным еще большее удаление места жительства от места работы, из центра начали уезжать и люди среднего достатка; в их старые дома стали въезжать прибывавшие все в большем количестве иммигрантские семьи. Самые богатые горожане тогда начинали переселяться в пригороды. Такая (только усилившаяся в ряде своих аспектов) модель внутригородских, а вернее — внутриметрополитенских миграций — действует и сейчас, причем некоторые исследователи именно с ней связывают основные и наиболее характерные, по их мнению, урбанистические процессы в западных индустриальных обществах — субурбанизацию (развитие жилых и промышленных пригородов) и трансформацию (в демографическом, социальном, культурном плане) центральных частей метрополитенских ареалов (*Gulick* 1989. P. 90).

Американский город — это всегда совокупность неких локальных общин, носящих название neighborhoods, буквально — «соседства». Конституируют их, кроме имени собственного и, возможно, каких-то естественных границ вроде парков, рек, возвышений, железнодорожных линий, еще и классовые, расовые или этнические характеристики населения и соответствующий им статус. В целом население города может

быть весьма разнообразным по всем этим параметрам, но neighborhood — часто гомогенное или близкое к таковому образование. Для городов XIX и начала XX вв. типичными были иммигрантские этнические районы, обитатели которых в большинстве своем входили в рабочий класс Америки.

Тенденция селиться этническими анклавами, обусловленная и объективными (жилищная сегрегация) и субъективными (приезжали родственными группами, к тому же коллективно легче адаптироваться) факторами, — преобладала в течение более чем полувека активной иммиграции в США, причем, кроме городских кварталов, заселенных выходцами из одной страны, это могли быть целые однонациональные поселки и городки (например, немецкие Новый Ульм в Миннесоте и Эгг-Харбор-Сити в Нью-Джерси, основанные в 1850-х гг. и дожившие до наших дней с теми же названиями, но давно переставшие быть «немецкими»).

Для многих иммигрантских групп в начале пребывания в Америке город, как уже говорилось, нередко связывал с определенным районом все стороны жизни: с границами квартала, где группа жила, совпадали границы ее социальной сферы: здесь находились рабочие места, тут же были и места проведения досуга. Так, норвежская община Нью-Йорка к 1830-м гг. поселилась в Бруклине, на берегу Ист-Ривер, потому что здесь рядом были доки и порт, где многие из норвежцев работали; к тому же вблизи воды и кораблей они чувствовали себя «как дома». Другой пример — еврейские кварталы в Нью-Йорке, где в конце XIX — начале XX в. было сосредоточено швейное производство: рабочие жили прямо в тех же домах, где хозяева устраивали так называемые «потогонные мастерские».

Внутри городского пространства иммигранты передвигались нередко тоже всем анклавом. Та же норвежская община в Нью-Йорке с Ист-Ривер переселилась в южную часть Бруклина после того, как в 1840-х гг. там оказались главные судоверфи города. Дорога на работу стала слишком сложной (сначала на конке до парома, затем на нем — в доки), и к

1880-м гг. норвежцы с Ист-Ривер переехали поближе к переправе; здесь же стали селиться и вновь прибывавшие норвежские иммигранты (*Johansen* 1949; *Abramson*, 1980 P. 259).

Этнические кварталы могли возникать как в центре города, так и вне его — на пересечениях транспортных линий, где было выгодно и возможно создавать небольшие деловые и коммерческие предприятия, что иностранцы и делали, добавляя к этому свои церкви, заведения, где можно было дешево поесть, клубы и школы. «Этническую окраску» места усиливал и такой фактор, как постоянный отъезд американцев-старожилов из тех кварталов, куда начинали «просачиваться» иммигранты (особенно «нежелательные», какими на рубеже веков считались выходцы из Италии, Австро-Венгрии, России и т.д.). Это был один из путей осуществления жилищной сегрегации, по отношению к «старым» иммигрантам имевшей тенденцию к уменьшению во второй половине XIX в., а по отношению к «новым» — к усилению. В 1960-х гг. социологами был выработан «индекс сегрегации» (усовершенствованный в последующие десятилетия), который во всем населении города показывает ту долю иностранцев среди жителей различных кварталов города, которая должна была бы уехать, чтобы распределение иностранцев по всем частям города стало равномерным. Данные по Бостону прошлого века приведены в известной книге о городах того времени, изданной Ст.Тернстромом и Р. Сеннеттом (*Thernstrom* & *Sennett* 1969; *Abrahamson* 1980. P. 280) (0 и 100 — наинизший и наивысший показатели уровня сегрегации):

Год	% иностранцев в населении	Индекс сегрегации
1830	5,7	28,6
1845	23,7	21,0
1855	33,0	22,6
1865	34,2	14,8

В 1880-1920-х гг. в стремительно росшие города Среднего Запада и Запада устремились массы бывших жителей стран Восточной и Южной Европы, замещая собой двигавшуюся в западном направлении часть старожильческого населения, включавшего теперь и «старых» иммигрантов. И если, как мы видели по Бостону, в предшествующий период жилищная сегрегация снижалась, то новым иммигрантам предстояло заново пройти путь от жизни в этнических гетто центральных районов городов к переезду в «хорошие» районы и пригороды. Итальянцы, евреи, поляки, греки и т.д. оказались, как уже говорилось, в положении людей, против которых действовали мощные этнические предрассудки, затруднявшие ассимиляцию и выход из этнических кварталов. Однако сам город, развивая промышленность и инфраструктуру, требуя все большего профессионального разнообразия населения, разрастаясь и принимая в себя все больше народу, содействовал иммигрантам в их мобильности, расширял их «жизненное пространство», заставлял мигрировать внутри и вне своих границ.

Одну из типичных для США XIX в. форм мобильности, как географической, так и социальной, американский историк Д. Коул назвал «иммигрантским циклом»: вновь прибывающие иммигранты, занимая самое низкое положение на социальной лестнице (в экстремальном случае — даже участвуя в организованной преступности: например, в Нью-Йорке в прошлом веке среди гангстерских группировок было немало ирландских, в начале нынешнего века их место в структуре преступного мира заняли итальянцы и евреи, в 1970-х гг .— афроамериканцы и пуэрториканцы — *F. Ianni* 1974) и наихудшие жилища в центральных районах города, как бы выталкивают с социального низа и из городского центра иммигрантов более старой национальности, занимавших это место прежде, а впоследствии первых заменяет на нем следующая иммигрантская группа (*Cole* 1963. P.13). Упоминавшиеся уже норвежцы, например, поселились в южном Брук-

лине после покинувших его голландцев. Норвежцам же в их старых кварталах «наступали на пятки» новые иммигранты — итальянцы.

Это не универсальная модель, но такой оборот населения не раз происходил в городах США, и он хорошо изучен так называемой чикагской социологической школой (*R.Park E.Burgess, L. Wirth*), с 1920-х гг. занимающей ведущее положение в американской урбанистике и выдвинувшей теорию концентрических городских зон, через которые проходят, начиная от центра и заканчивая пригородами, различные социальные группы в своем движении вверх по общественной лестнице. Наверное, самый известный пример подобного явления — смена населения Гарлема, который в 1870-х гг. был еще полудеревенским районом Нью-Йорка, привлекавшим большое количество иммигрантов. В начале 1920-х гг. самая крупная этническая группа там состояла из 100 тысяч евреев, но уже в 1930-х в Гарлеме их осталось всего около 5 тысяч, большинство же составляли афроамериканцы (*Gurock* 1979. P.146-149).

Помимо совместного поселения в городах, иммигранты поддерживали групповую этническую идентичность и структурировали свои группы путем создания этнических организаций, варьировавших от неформальных до политических, своих церквей, прессы, искусства и литературы (вначале — на родном языке, позже — на английском), поддерживая связи с европейской родиной, участвуя в обсуждении и даже решении ее проблем. Так, часть американских немцев, воодушевленная победами Бисмарка во время франко-прусской войны 1870-1871 г. и охваченная великогерманским шовинизмом, собирала деньги для раненных германских солдат, в то время как другая часть поддерживала те силы Германии, которые боролись против войны, за демократическую республику. Американские ирландцы вместе с оставшимися дома активно боролись за освобождение своей исторической родины и за ее культурное возрождение: именно в США, например, в середине XIX в. образовалась такая организация, как мелкобуржуазная революционно-республиканская партия «Фени-

анское братство», а в 1870-х гг. возник-ли попытки возродить в Ирландии гэльский язык.

Стремление «земляков» держаться вместе, а также испытываемая ими социальная дискриминация приводили к концентрации в тех или иных областях экономики и в отдельных профессиях представителей одной национальности Так, немецкие евреи заняли преобладающее положение в торговле, ювелирном и банковском деле, евреи из Российской империи — в швейной промышленности, поляки и украинцы — в транспорте и строительстве дорог. Журналистика была занятием, весьма характерным для немецко-американских интеллигентов, хотя большинство немцев работало в легкой промышленности, либо в отраслях, связанных с ремесленничеством. Среди немецких профсоюзов в XIX в. были организации мебельщиков, пекарей, сигарочников, пивоваров, наборщиков, фортепьянщиков, портных, а также плотников, маляров, каменщиков. В союз печатников входили наборщики, печатавшие немецкие книги и периодические издания (Богина 1976. С. 24-25).

Поначалу иммигранты пытались воспроизводить в американских городах даже свой «старосветский» бытовой и семейный уклад, в котором, в частности, распространенным типом была трехпоколенная большая семья, а также отчетливо разделялись сферы деятельности женщин и мужчин: у первых — семья, дом (какая-то часть их трудилась вне дома, но все равно в большинстве случаев в семьях — в качестве домашней прислуги), у вторых — общественные места, будь то фабрика, политический клуб или попросту бар. В рамках основных американских христианских конфессий — протестантской и католической (40% всех верующих в США уже к 1870-м гг. составляли католики) — немцы, французы, поляки, итальянцы и другие иммигранты вначале создавали свои отдельные церкви и приходские школы.

Однако, как бы иммигранты ни старались сохранить элементы своей этнической культуры, но их групповой, «коммунальный» образ жизни, главной «скрепой» которого была именно этническая принадлежность, имел целью все же не

попытку организовать жизнь в Америке по подобию прежней, европейской (со своими особенностями у каждой иммигрантской национальности), а облегчение процесса вживания в поначалу чуждую и даже враждебную американскую среду. Землячества, этнические товарищества взаимопомощи, профсоюзы и все другие организации, церковь, пресса должны были служить иммигрантам именно как гражданам США — отстаивать их права, бороться за их полноправное участие в общенациональной жизни, против дискриминации. Иммигранты, найдя свое место в структуре общества, в социально-экономическом плане развивались вместе с ним, «распределялись» по классам и слоям, стремились подняться вверх по социальной лестнице. Среди них появлялись буржуазия и интеллигенция, становившиеся примером успеха в Америке и, вольно или невольно, проводниками американских ценностей. Доходы позволяли буржуа приобретать хорошие жилища в престижных городских и пригородных районах, воспринимаемых просто как районы «среднего» и «высшего» (по уровню доходов, считающемуся в США критерием социального деления) класса, без признаков какой-либо иммигрантской национальности, хотя в качестве некоего элемента своеобразия хозяева могли, например, украшать свои дома предметами, связанными со страной их предков.

В повседневной жизни рабочих дольше сохранялись обычаи страны происхождения — в пище, например, или во внутрисемейных отношениях, или в манере общения с соседями. Поэтому с этничностью вообще ассоциировались по большей части именно рабочие, и не случайно в американской социологии бытовал даже термин «эткласс» (ethclass; Gordon 1964), который подчеркивал тесную связь социальных классов с этническим происхождением их членов. Как писали об этом Глейзер и Мойнихен, «назвать занятие или класс — почти то же самое, что назвать этническую группу» (*Glazer and Moynihan* 1970. P. lvii).

Однако раньше или позже, но все иммигранты со сменой поколений испытали на себе действие одних и тех же унифицирующих социальных процессов (которые особенно интен-

сивны были в городах и часть которых охватывала все общество в целом): перехода на английский язык; победы малой семьи над большой (в качестве культурного предпочтения или эталона) и растущего вовлечения женщин в общественный труд; ослабления зависимости трудоустройства от сети родственных и земляческих связей—при повышении роли и ценности общего и профессионального образования — и соответствующего размывания сфер «этнического бизнеса»; расширения участия в разного рода объединениях, помимо этнических; роста значения католической церкви — церкви большинства иммигрантов — как общенационального института (десятилетиями церковь акцентировала в христианстве то общее, что сближало все конфессии, и в конце концов отошла от обслуживания прихожан «по национальностям»); уменьшения внутриэтнической эндогамии; наконец, повышения материального благосостояния и увеличения удельного веса «среднего класса» в общественной структуре и ряда других.

Все это, на фоне численного роста второго, третьего и далее поколений иммигрантов при небольшом (после 1924 г.) количестве вновь въезжающих, с ростом «смешанности» происхождения вследствие межэтнических браков, а также с либерализацией (или «эгалитаризацией») идеологического климата, означает, что в США в отношении граждан европейского происхождения структурный, то есть, связанный с социально-экономической системой, характер этнической дифференциации населения постепенно уходит в прошлое (хотя все остальные этнические группы все еще довольно резко противопоставлены европейцам в социально-экономическом и культурном плане). Однако даже полное усвоение «американского образа жизни» и превращение в обычных законопослушных американских налогоплательщиков, избирателей и потребителей не означает забвения детьми, внуками и правнуками иммигрантов своего происхождения, не влечет за собой ухода «этничности» из общественного сознания и практики. Как пишет М. Новак о прочности неких духовных структур, ассоциируемых с этничностью, «неисповедимы пу-

ти, какими входят в нашу память предания и воспитываются в нас наши эмоции, инстинкты, воображение, страсти, видение вещей; все это делает сама жизнь, и сознание (а тем более его словесная форма — разум) бессильно подчинить ее деяния своей власти, заставить ее изменить себе». (Novak 1971. P.XVI.) В подтверждение Новак приводит наблюдения антрополога Марка Зборовского над находящимися в больнице для ветеранов пациентами разных национальностей. «Американцы», евреи, итальянцы, ирландцы по-разному реагируют на собственную болезнь и по-разному ведут себя в моменты боли. Старожил-американец не пла-чет и не жалуется, потому что «это не помогает» (нужно делать только то, что «практично», быть прагматиком). Еврей и итальянец, наоборот, плачут и жалуются, потому что им «это помогает». Итальянцу важно, чтобы вокруг были люди, он не мыслит своей жизни без активного общения, а для еврея болезнь — один из самых острых и драматичных моментов для единения с близкими, проявления общинной симпатии и заботы. (Novak 1971.P. 38-41).

Сохраняются (хотя и «размываются» и не возникают вновь) и этнические кварталы выходцев из Европы, особенно в городах, в свое время служивших «воротами страны»: очень известны, например, ирландский район на юге Бостона или южная часть Филадельфии, где живут итальянцы; во многих городах есть еврейские общины. Русскоязычные выходцы из СССР, живущие компактно в районе Брайтон Бич в Нью-Йорке — иммигранты последних 20-25 лет, — скорее напоминают восточно-европейских иммигрантов прежней эпохи, чем их современных потомков. Им предстоит еще долгий путь интеграции. Существует также немало примеров концентрации людей одной этнической принадлежности в каком-либо бизнесе или в определенной профессии, например, евреев в медицине и юриспруденции. Пример более частный: в Сан-Франциско в компании по уборке мусора Sunset Scavenger Company большинство работников — итальянцы, причем среди них немало родственников.

Есть в американских городах и целые организации, имеющие явные цели поддержания той или иной этнической культуры и интересы членов соответствующей группы: ирландский «Древний Орден гибернийцев» (Гиберния—древнее название Ирландии), еврейский «Бнай Брит», «Клуб польского национального альянса» и др.; есть объединения, где большинство членов составляют люди, относящие себя к какой-либо определенной этнической группе (например, любители немецких танцев).

Но и многие из тех, кто не живет, не работает и вообще никак не объединяется с «соплеменниками», остаются «этниками» в самоидентификации. Причем не обязательно здесь фигурирует один этноним, есть люди, называющие себя, к примеру, — German-Irish-Italian и таких в переписи 1980 г. было 227 тыс. чел. (*Alba* 1990. P.24). Важен сам факт самоопределения в этнических терминах. Показательны данные социологического опроса, проведенного специально для изучения трансформации этнического самосознания белых американцев европейского происхождения в одной из метрополитенских областей в шт. Нью-Йорк в 1984-85 гг. Примерно одна треть из 460 опрошенных называет себя просто «американцами», остальные описывают себя в этнических терминах (реже всех это делают потомки «старых» иммигрантов), для четверти таких людей их этническая самоидентификация представляется очень важной; треть не придает этническому происхождению никакого значения; самая большая часть— 40% — заявляет о «некоторой степени» важности этого вопроса. (Alba 1990. P.65). В кругу друзей большинства опрошенных есть хотя бы один человек того же этнического происхождения; полностью не уходят из быта ни языки предков, ни семейные обычаи.

Внешне все это напоминает ситуацию XIX — начала XX вв., но если прежде основой сохранения и воспроизведения этничности было тесное общение членов этнической группы, потому что они рождались, воспитывались и жили в одних и тех же кварталах, ходили в одни школы, работали в одних и тех же местах, находили супругов в своей собственной сре-

де, то сейчас этничность существует главным образом потому, что люди в тех или иных ситуациях предпочитают идентифицировать себя в этнических терминах. Эти идентификаторы могут находиться «на периферии» самоопределения человека, потому что в современных условиях они не существенны для социальной мобильности: упоминавшихся уже итальянцев держат в «Сансет Скэвинджер» не отсутствие выбора, а успех в бизнесе: отличный заработок и тот факт, что они являются акционерами этой компании и, следовательно, получают часть прибыли; «скопление» же итальянцев в данной нише — это скорее всего дань традиции этнической солидарности, которая отдается опять-таки не по необходимости, а по выбору, по желанию людей. В этнических кварталах, хотя они и сохраняют в глазах горожан свой «этнический» характер из-за имен, иногда из-за традиционных занятий жителей, из-за ресторанов с национальной кухней, живет все меньше и меньше этников: например, в самом «греческом» квартале в Олбани, шт. Нью-Йорк, всего 10% греков, а итальянцев в итальянской части г. Троя той же метрополитенской области только 23% (*Alba* 1990. P. 274-275). Этничность сегодня не укоренена в социальной структуре, нет прежней полноты «этнического» образа жизни, характеризовавшего иммигрантские общины прошлого, но есть этническое самосознание отдельных людей и есть возможность выбирать социальные ситуации для его проявления. Как выразился автор исследования о трансформации этничности Ричард Алба у белых американцев европейского происхождения «община (community) уступила место самоопределению (identity) в качестве базиса этничности» (*Alba* 1990 P. 303). Этничность из социального регулятора превращается в социальную ценность, в «культурный капитал», в то, что сигнализирует об отличии индивидуумов и групп друг от друга в условиях стандартизации жизни и дефицита «естественной» культурной дифференцированности.

Более того, этот культурный капитал является в высшей степени «приватизированным»: этническая идентичность — это сугубо личное дело. Ни один человек не чувствует себя

обязанным ощущать или вести себя по-особому в связи со своим этническим самосознанием. Даже в тесном семейном кругу родители не настаивают на приобретении детьми этнического самосознания, что вполне соответствует знаменитому американскому индивидуализму. Все же иногда «соэтники» желают заявить о своей общности. Но как могут это сделать, например, евреи, живущие вне отдельных общин в большом городе и входящие в разнообразные, далеко не только еврейские объединения? (Нитобург 1996) (Хотя надо отметить, что евреи активнее других поддерживают свою этническую идентичность — в силу традиции и из-за слияния религиозной принадлежности с этнической; традиционный для Америки антисемитизм, не изжитый полностью, — еще один фактор поддержания этнической идентичности). В Лос-Анджелесе ответом на этот вопрос стал приурочиваемый к празднованию независимости Израиля ежегодный «Праздничный поход» через исторический еврейский квартал Фэрфакс. Об одном из таких парадов, 3 мая 1981 г., весьма выразительное эссе написали известные антропологи Барбара Мейерхофф и Стивен Монгулла (*Meyrhoff and Mongulla* 1987.).

Провозглашенными целями марша были, во-первых, демонстрация солидарности всех лос-анджелесских евреев, выраженной лозунгом «Мы — одно» или «Мы едины», во-вторых, представление публике каких-то познавательных материалов о еврействе; в-третьих, сбор денег на нужды общин в Америке и за ее пределами, наконец, в-четвертых, развлечение участников, праздник.

Все эти задачи были успешно решены. В одной колонне шли, чтобы показать свое «единство в многообразии», 15 тысяч представителей различных групп евреев Лос-Анджелеса: ортодоксальных, реформистских, консервативных, хасидов; сефардов, ашкеназов; «новых» и «старых» выходцев из разных стран, более или менее ассимилированных, с разными политическими пристрастиями и т.д. и т.п.

Было собрано 75 тыс. долларов, аттракционы и конкурсы развлекали участников. Главные призы победителям конкур-

сов — поездка в Израиль и комплект Еврейской энциклопедии — подчеркивали празднование именно еврейского элемента, особенно сильно ощущавшегося в этот день всеми участниками действия и открыто продемонстрированного остальным американцам. Но помимо этой внешней канвы, у описываемого события был и мощный символический аспект, который проанализировали Б. Мейерхофф и С. Монгулла.

Символично, прежде всего, то, что это был марш. Движение — вообще сильная метафора, олицетворение самой жизни, особенно жизни в Америке, где мало кто долго остается на одном месте. Символично также, что марш начинался в городском парке, этнически нейтральном, просто «американском», затем проходил через прилегающий к нему старый еврейский район и вновь возвращался в парк, с другой стороны граничащий с новым, большим, богатым и вполне «средне-классовым» районом, где также живут евреи. Первая часть похода — в сторону Фэрфакса — это как бы путь назад, в историю американских евреев еще до их иммиграции в США и в Лос-Анджелес, а вторая — в сторону «смешанного» богатого района — история ассимиляции евреев американским обществом. Старый квартал, Фэрфакс, из которого разбогатевшие, добившиеся успеха евреи выезжают в пригороды, квартал, стойко сохраняющий характер еврейской общины, символизировал истоки, к которым «возвращались» участники марша (большинство которых — молодежь, третье и четвертое иммигрантские поколения в Америке, никогда не жившие в «местечках»). В самом Фэрфаксе участники прошли мимо многих еврейских учреж-дений: синагог, Центра изучения Холокоста, Музея Холокоста, йешив (иудаистских учебных заведений), отделения благотворительной организации Шабад и др., — представляющих собой основные официальные, формальные структуры общины Фэрфакса. Они были важными «вехами», придававшими значение процессии, само же включение в маршрут, прохождение собравшихся мимо них, в свою очередь, подтверждало авторитет этих организаций.

Дальнейший путь в сторону нового, богатого квартала белого среднего класса — это символ успешной социальной мобильности, интеграции в то общество, где в жизни евреев уже не очень много «еврейского», где они сначала американцы, а уж потом, если захотят или сочтут нужным, — евреи.

* * *

Итак, подчиняясь культуре, в которой «заложена» иерархиизация рас и национальностей, но которая в ходе своей истории преодолевает особенно резкую дискриминацию этих категорий, американский город из места, где пространственное деление на районы и кварталы и состав жителей отражали социальную субординацию как «белых», так и «небелых» национальностей, превращается в место, где самые высокие символические барьеры остались лишь между белыми и другими расовыми группами. Многим коренным американцам— индейцам и эскимосам — так и не удается адаптироваться к городской жизни; те, кому удается, платят цену, может быть, даже большую, чем все остальные иммигранты, отказываясь от традиционной культуры (*Стельмах* 1997). Афроамериканцы все еще живут в городских гетто, в какой-то степени повторяющих социальную структуру общества в целом и характерный для города тип расселения: черная буржуазия переселяется из центров гетто на их окраины, чем повышает свой престиж (аналог переезда представителей белого среднего и высшего класса из центра в пригород), либо в белые районы, либо в преимущественно черные пригороды метрополисов (*Нитобург* 1997). Совсем новые, весьма многочисленные иммигранты из стран Азии, Латинской Америки, Карибского региона тоже оказываются в значительной степени изолированными от американцев на работе, в школах, в жилищах. Хотя сегодня это не есть «классическая» сегрегация, но отношения в повседневной жизни между старожильческим и новым населением построены так, что обычно лишь иммигрантам, вышедшим из средних и высших классов, и не раньше, чем

во втором поколении, удается «пробиться наверх» в Америке (*Lamphere* 1992).

Это закономерно для культуры, акцентирующей соревновательность, притом соревновательность в основе своей экономическую: категория бедности занимает здесь такое же важное место, как и категория богатства и успеха (*Lewis* 1979. P. 51). Сегодня «национальный состав» классов в США таков, что высший и средний из них (то есть, обеспеченные люди) в подавляющем большинстве состоят из белых потомков европейских иммигрантов, а удел представителей других рас и национальностей — пока что оставаться «внизу». Повторят ли афроамериканцы, пуэрториканцы, филиппинцы, гаитийцы, выходцы с Ближнего Востока, из Африки и т.д. судьбу белых иммигрантов в США, смогут ли на равных с ними участвовать в соревновании за продвижение вверх по социальной лестнице, покажет история.

Сейчас же можно констатировать, что для потомков выходцев из Европы их национальность перестала предопределять место в социальной структуре и соответственно — в городском пространстве. Модель XIX в.— бедные (причем, в разной степени, в зависимости от страны выхода жителей) этнические кварталы, в основном в центральных частях городов, с некоторыми довольно отчет-ливыми чертами этнической общины (начиная с языка и кончая этническим самосознанием обитателей), и все более «американские», лишенные этнического колорита и одновременно богатые районы в удаленных от центра частях города и в пригородах — ушла в прошлое. Для потомков европейских иммигрантов город преобразился в «контейнер» равноправных этничностей, поддерживаемых сегодня главным образом в самосознании отдельных людей (но не исключительно, потому что в городах есть и общины, сохраняющие и использующие в повседневной жизни какие-то пришедшие из этнического прошлого устойчивые образцы мировосприятия и поведения). Сегодня не жизненная необходимость, но личный выбор и предпочтение заставляют людей объединяться по этническому признаку — объединяться в организации, или в

марширующие колонны, или просто в компании (неважно, родственные или нет). История иммиграции в Америку стала общей историей выходцев из всех стран Европы (о ней повествуют имеющиеся во многих городах специальные музеи, и это тоже особенность сегодняшней «модели»), а этничность, трансформировавшаяся в «символическую» (*Gans* 1979) превратилась в ценность общеамериканской культуры, будучи при этом сугубо личным делом каждого белого американца.

Баграмов Л.А. Иммигранты в США. М., 1957.

Берзина М.Я. Этнический состав населения США. Краткий историко-статистический обзор // Национальные процессы в США. М., 1973.

Богина Ш.А. Иммигрантское население США. М., 1976.

Брук С.И. Население США (этнодемографический обзор) // Этническое развитие американской нации. Реферативный сборник. Ч. I. М., 1979.

Нитобург Э.Л. Евреи в США. М., 1996; его же: Афроамериканцы в Чикаго: анатомия цветового барьера // Очерки по культурной антропологии американского города. М., 1997.

Соколов Э.В. Город глазами культуролога // Город и культура. СПб., 1992.

Стельмах В.Г. Индейское меньшинство в городской среде // Очерки по культурной антропологии американского города. М., 1997.

Тишков В.А. О феномене этничности // Этнографическое обозрение, 1997. № 3.

Abrahamson M. Urban Sociology. 2d ed. Prentice-Hall, 1980.

Alba R. Ethnic Identity. The Transformation of White America. New Haven & London, 1990.

Bourne R. War and the Intellectuals. Essays. N.Y. e.a., 1964.

Butler E.W. Urban Sociology. A Systematic Approach. N.Y., 1976.

Celadon. The Golden Age. n.d., n.p., 1785.

Cole D.B. The Immigrant City: Lawrence, Massachusetts, 1845-1921. Chapel Hill, 1963.

Gans H. Symbolic Ethnicicty: the Future of Ethnic Groups and Cultures in America // Ethnic and Racial Studies 2 (January), 1979.

Glaab Ch. and Brown Th. A History of Urban America. N.Y., 1967.

Glazer N. and Moynihan D. Beyond the Melting Pot: The Negroes, Puerto Ricans, Jews, Italians, and Irish of New York City. Cambridge, 1970.

Gordon M. Assimilation in American Life: the Role of Race, Religion and National Origins. New York, 1964.

Gulick J. The Humanity of Cities. An Introduction to Urban Societies. Granby, 1989.

Gurock G. When Harlem was Jewish, 1870-1930. N.Y., 1979.
Ianni F. Black Mafia: Ethnic Succession in Organized Crime. N.Y., 1974.
Johansen Ch. Cultural Variables in the Ecology of an Ethnic Group // American Sociological Review, 14, 1949.
Kallen H.M. Democracy Versus the Melting-Pot: A Study of American Nationality // The Nation, February 18, 25, 1915.
Lamphere L., ed. Structuring Diversity: Ethnographic Perspectives on the New Immigration. Chicago and London, 1992.
Lewis M. Culture of Inequality. N.Y., 1979.
Lynd R. and Lynd H. Middletown. New York, 1929; *их* же. Middletown in Transition: A Study in Cultural Conflicts. New York, 1937.
Meyrhoff B. and Mongulla S. The Los Angeles Jews' Walk for Solidarity: Parade, Festival, Pilgrimage // Symbolizing America. Ed. H.Varenne. U. of Nebraska Press, 1987.
Novak M. The Rise of the Unmeltable Ethnics: A New Political Force of the 70s. N.Y., 1971.
Park R, Burgess E. and McKenzie R., eds. The City. Chicago, 1967.
Schachter J. Net Immigration of Gainful Workers into the United States // Demography, 9, 1972.
Singer M. The Melting Pot: Symbolic Ritual or Total Social Fact? // Symbolizing America. Ed. H. Varenne. U. of Nebraska Press, 1987.
Thernstrom St. The Other Bostonians: Poverty and Progress in the American Metropolis, 1880-1970. Cambridge, 1973.
Thernstrom St. & Sennett R., eds. Nineteenth-Century Cities. New Haven, 1969.
Varenne H., ed. Symbolizing America. U. of Nebraska Press, 1987.
Ward D. Cities and Immigrants. A Geography of Change in Nineteenth-Century America. N.Y., 1971.
Warner L., Srole L. The Social System of American Ethnic Groups. Yankee City Series 3. New Haven, 1945.
Warner S.B. The Urban Wilderness: A History of the American City. N.Y., 1972.
Weber M. The City. Trans. and ed. by Don Martindale and G. Neuwirth. N.Y., 1958.
Wirth L. Urbanism as a Way of Life // American Journal of Sociology 44 (July 1938).